

An aerial photograph of a lush tropical island. The landscape is dominated by dense green vegetation, including numerous palm trees. A clear, turquoise river flows through the center of the island, featuring several small waterfalls. On the right side, there are some small, rustic wooden structures and a sandy area. The overall scene is vibrant and serene, capturing the beauty of a remote tropical location.

ТО, ЧТО МЫ ЗНАЕМ

ФРЕДЕРИК ШАРЛЬ ДЕВЕ

Фредерик Шарль Деве

То, что мы знаем

«Livres»

1995, 2019, 2022

Деве Ф.

То, что мы знаем / Ф. Деве — «Livres», 1995, 2019, 2022

ISBN 978-5-6054381-0-6

Роман «То, что мы знаем» предлагает нам три тесно переплетенные истории. Первая, в духе магического реализма, повествует о революции, которая начинается на вулканическом острове в сандинистской Никарагуа в 1980-х годах. Вторая, фаустовская и постколониальная, — это история израненных несчастных душ, готовых продать душу дьявольским местным властям. Наконец, третья история — о путешествии европейского географа-интернационалиста, который исследует вырубку лесов на острове и обнаруживает там живой миф. Живое, то есть активное, и его воздействие на общество, в котором оно обитает, столь же удивительно, сколь и очевидно. Зачарованный герой импровизирует как перформативный этнограф, сторонний наблюдатель, но также и вовлеченный актер. Он отправляется на поиски глубоких хтонических и шаманских истоков сказочных историй, которые достигают его ушей. Он встречает мошенника, который пользуется доверчивостью местных жителей, и в конечном итоге узнает собственную судьбу, историю своей смерти. Эта книга была опубликована издательством Belfond тридцать лет назад и стала финалистом Prix du Premier Roman на Парижской книжной ярмарке. Переведенный на итальянский язык и опубликованный издательством Artemide, роман занял второе место на конкурсе Creative Challenge 2023 и стал финалистом Национальной литературной премии имени Караваджо 2024 года. Франко-итальянский писатель Фредерик Шарль Деве так же, как и его герой, является инженером-агрономом и жил в Никарагуа в течение семи лет, с 1980 по 1987 год, в начале Сандинистской революции, участвуя в проведении аграрной реформы. Русское издание его книги поддержал предприниматель, путешественник и экоактивист Руслан Зеленко.

ISBN 978-5-6054381-0-6

© Дебе Ф., 1995, 2019, 2022

© Livres, 1995, 2019, 2022

Содержание

Пролог	8
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Фредерик Шарль Деве

То, что мы знаем

*Это то, что мы знаем, но не то, что понял он,
когда сошел в крошечную тьму.*

Хорхе Луис Борхес, «Создатель»

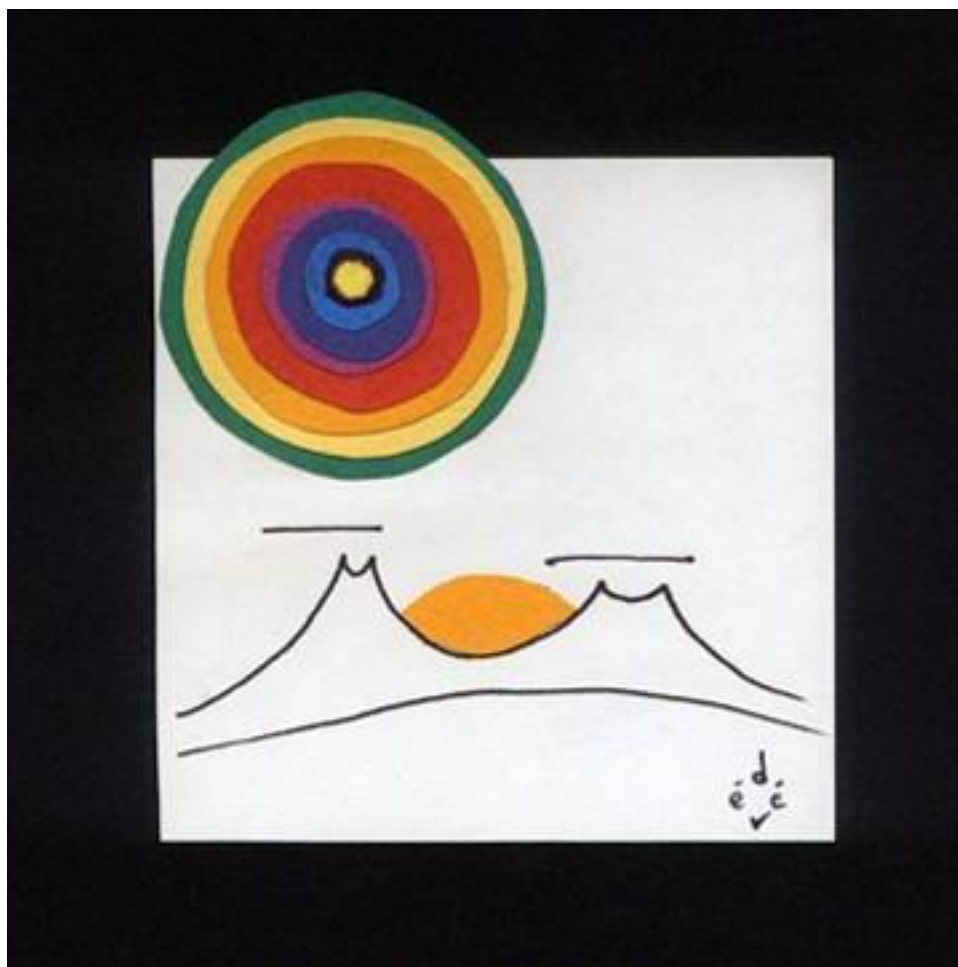
*Увы! Таков закон чертей и привидений:
Каким путем вошел, таким и выходить.
Иоганн Вольфганг Гёте, «Фауст»^{*1}*

Издано при поддержке РУСЛАНА ЗЕЛЕНКО

Frédéric Charles Dévé Le Miroir du Charco Verde 1989 Belfond.

1995, 2019, 2022 под названием Le Secrétaire du Diable. Автор иллюстрации на с. 4.: Фредерик Шарль Деве

Перевод с итальянского: Татьяна Кудрявцева

© Текст. Frédéric Charles Dévé, 2025

© Иллюстрации. Frédéric Charles Dévé, 1989

© Текст на русском языке. Руслан Зеленко, 2025

© Издание. Проект Livres, 2025

Пролог

– Вот, держите книгу.

Двое мужчин молча покачиваются в креслах-качалках. Со стороны деревни доносятся знакомые звуки подходящего к концу дня, голоса, смех детей. Ночь опускается на землю быстро, как всегда в тропиках.

– Держите, вот эта книга, – повторяет старик и замолкает.

Заголовок выведен ручкой. Красивый почерк! И явно умелая рука...

Договоры о жизни и смерти

Эктор Роткель листает рукопись, на его лице читается недоумение. Сказать, что он в замешательстве, – не сказать ничего. Он встает и закрывает глаза, с трудом пытаясь прийти в себя. Он находится на острове Ометепе, в Никарагуа, Центральной Америке, на тринадцатом градусе северной широты и восемьдесят шестом западной долготы, на планете Земля.

Собеседники окутаны густыми сумерками, накрывшими почти весь остров. Лишь на вершине вулкана Консепсьон виднеется последний луч закатного солнца, и под столбом дыма, уходящего в небо, словно светятся черные, красные и коричневые камни.

Глава 1

На пристани собралась целая толпа. Торговцы, таскавшие ящики с пивом, ромом и провиантом, обменивались непристойными шутками с дородными матронами, которые возвращались после работы на рынке в запачканных кружевных передниках с лифами, набитыми банкнотами. Природа и так наделила их пышными формами, но дело было не в этом: вероятно, дополнительную прелесть придала им инфляция. Экономический кризис сделал женщин еще привлекательнее.

На бетонном пирсе целыми семьями толкались крестьяне, которым явно было неуютно в их лучших воскресных нарядах: они возвращались домой от родственников с континента. Кое-где в толпе можно было заметить мелких чиновников в лаковых ботинках и с кожаными портфелями подмышкой, солдат в темно-зеленой форме с красно-черными платками на шее и калашниковыми на плече.

«Сеньоре дель Лаго»² пришлось бросить якорь поодаль от порта. В это время года уровень воды в озере был ниже обычного; к тому же, из-за пассатов поднимались сильные волны, затруднявшие маневры.

С помощью натянутой веревки, которую перебирали руками моряки, между пристанью и кораблем курсировали плоты. Чтобы взойти на борт, нужно было пройти пять-шесть метров по деревянным доскам, качавшимся в такт волнам. Этот самодельный мостик прогибался и скрипел под весом неуверенно ступавших пассажиров. Им помогали, протягивая руки, полупьяные моряки: один стоял на плоту, второй – на корабле. Люди спотыкались, оступались, пугались. Несколько чемоданов упало в воду, но их успели спасти местные мальчишки. Крики и смех сливались воедино.

Наблюдая за этой суетой, Эктор Роткель невольно задавался вопросом, как все эти люди смогут поместиться на «Сеньоре дель Лаго». Коровы, стоявшие рядом с ним, – с десятков голов – тоже станут его попутчицами? Стоя в очереди, чтобы взойти на борт, он со страхом вспоминал все когда-либо слышанные им истории кораблекрушений. Озеро Кочиболка считалось опасным: в нем водились акулы. Они попали сюда из Карибского моря и приспособились к пресной воде. «Это коварное озеро», – говорили островитяне, после каждого шторма находя на берегу тела погибших, обезображенные этими хищниками.

Пассажиры расположились на борту как придется, заняв в том числе и верхнюю палубу. Они доставали из мешков гамаки и закрепляли их на балках. Было тесно, но, так или иначе, посреди общего смеха и оживления каждый находил себе местечко. Дети, продававшие газеты, американскую жвачку, жареную маниоку и газировку, с трудом пробирались между пассажирами и их чемоданами, громко оповещая о своем товаре. Грузчики заканчивали утрамбовывать бочки с бензином, мешки с цементом и удобрениями.

Последней операцией стала погрузка скота при помощи подъемного крана. Коровы болтали в воздухе ногами и издавали душераздирающие крики, когда их поднимали поодиночке, закрепив ремень под животом. Под весом последней трос не выдержал. Она упала в воду и добралась до берега вплавь. Когда ее наконец удалось поймать с помощью лассо и переместить на борт, публика разразилась аплодисментами. Инцидент был исчерпан, и несколько юнг нырнули в озеро, чтобы достать из ила якоря, пока другие вручную тянули цепи, скрежетавшие о якорную лебедку на носу судна. Члены экипажа быстро обменялись командами, послышался рев моторов, и, наконец, прозвучала сирена – сигнал к отплытию. На небе не было ни облачка, стояла тихая теплая погода – одним словом, плавание обещало быть приятным. «Сеньора дель Лаго» взяла курс на остров Ометепе.

² Исп. «Хозяйка озера» (прим. пер.).

Сосед Роткеля явно недоумевал, кто же этот гринго³ в белой футболке, голубых отглаженных джинсах и с иностранной кожаной сумкой.

– Вы ведь не местный, не так ли? – немного стесняясь, спросил он.

Действительно, Эктор Роткель был французом. Географом. Надо было что-то ответить... Впрочем, он сделал это с удовольствием.

Его собеседник тоже не замедлил представиться:

– Я изучаю экономику в Манагуа, а сюда приезжаю на каникулы – навестить родителей. – Собравшись с духом, он задал смелый вопрос: – Вы один из тех, кого называют интернационалистами?

Так и было. Роткель приехал поддержать Революцию и жил в стране уже несколько лет как член международной бригады. Молодой человек был явно удовлетворен этим ответом: Эктор окончательно завоевал его симпатию.

– Что вы скажете об Ометепе? – поинтересовался Роткель.

– Это прекрасное место, – заявил студент.

Два вулкана, образовавшие остров, значились среди самых высоких в Центральной Америке. Они соединялись узким перешейком, из-за чего по форме остров походил на восьмерку, но, так как он тянулся с запада на восток, это была горизонтальная восьмерка – символ, которым в математике обозначается бесконечность. В ясную погоду с вершины вулкана Концепсьон можно было увидеть два океана, омывающие континент: Атлантический и Тихий. Ометепе был центром притяжения для обеих Америк, и юноша гордился, что родился здесь. Остров представлял собой пышный, цветущий, напоенный ароматами сад, плодоносящий почти круглый год. Путешественники нередко говорили, что царящее здесь умиротворение навеивает мысли о рае.

По приезде Роткель снял комнату в семейном пансионе недалеко от порта, оставил там багаж и вышел на улицу. Увидев в тени мангового дерева группу мужчин, он решил спросить у них дорогу. Двое из них были на одно лицо – по всей видимости, близнецы.

– *Buenos días, compañeros*⁴! Я ищу телефонную станцию. Не могли бы вы мне помочь?

– Идите направо, – сказал один из братьев.

– Нет, налево, – отозвался второй.

– Направо, – настаивал первый.

– Налево, – тут же повторил второй.

Это была шутка – настолько банальная, что почти стала классикой: загадка на логику, в которой даются два варианта и близнецы, один из которых говорит правду, а другой лжет. Мужчины рассмеялись. И все-таки несколько из них любезно подсказали, что идти нужно налево. Роткель слегка поклонился в знак благодарности и направился по указанной дороге, как вдруг остальные закричали ему:

– Направо!

Получается, они просто смеялись над ним? Роткель предположил, что оба пути могли привести его к цели, и на сей раз получил единогласный ответ: это было вполне вероятно, но ручаться они бы не стали. Эктор понял намек, вновь поблагодарил и распрощался с этой компанией, больше не задавая вопросов. В конце концов, немного поплутать по деревне было не так уж и страшно – наоборот, быть может, так он смог бы лучше познакомиться с местными жителями.

³ Гринго (англ. *gringo* от исп. *griego* – «грек») применяется для обозначения всех туристов, в основном жителей Америки и Европы, использующих английский язык в качестве основного.

⁴ Исп. «Здравствуйте, товарищи!» (прим. пер.).

Узкие улочки, казалось, были проложены по линейке, почти все дома – в колониальном стиле, с красными черепичными крышами, патио, решетками на окнах и глиняными стенами, расписанными яркими красками.

Он обнаружил телефонную станцию на углу улицы, где располагалась мэрия. Это был сбитый из досок барак с коммутатором из дерева, покрытого лаком; из него торчало множество проводов. На входной двери красовался транспарант из красной ткани со слоганом «*Telecomunicación, Conquista de la Revolución!*!»⁵

Внутри была целая толпа. Роткель написал нужный ему номер на клочке бумаги, передал его оператору и сел на скамейку в ожидании своей очереди.

Появление телефонной связи значительно изменило жизнь островитян. Почти у всех были родственники на континенте, и теперь местные жители могли поговорить с ними без необходимости отправляться в путь и пересекать озеро. Однако у оператора уходило много времени – по меньшей мере полчаса, а то и больше: полдня или даже несколько дней, – прежде чем ему удавалось установить соединение с абонентом. Сначала нужно было дозвониться до районного центра, а затем еще и пофлиртовать с коллегой на другом конце провода, называя ее *mi amor*⁶ и приглашая навестить его прекрасный остров. После этого он просил ее связаться с региональной станцией, что было непросто. К тому же соединение постоянно пропадало. Оператор набирал номер снова, опять любезничал со своей *amorcito*⁷, пока у нее наконец не получалось наладить соединение. Тогда он резко начинал говорить громче, а все посетители единодушно замолкали, надеясь, что на сей раз все получится.

– Алло, алло! Не кладите трубку! Алло!.. Сукины дети, повесили-таки!

В полном изнеможении, с мозолями на пальце – оператор работал по восемь часов в день шесть дней в неделю, – он опять был вынужден перезванивать *amorcito lindo*⁸. Каждую новую попытку он предпринимал пусть и механически, но всегда добросовестно. В таком общественно полезном труде обычного служащего было что-то от апостольского служения. Он вносил свой вклад в борьбу за прогресс и дело Революции, против изоляции и обскурантизма⁹. Этот оператор никогда не видел свою коллегу, но между ними установился особый стиль общения – своего рода кокетство и флирт, со временем переросшие в настоящую привязанность. Когда ему удавалось дозвониться до нее, а затем – и до регионального центра связи, оператор еще сильнее повышал голос, почти переходя на крик, и в зале ожидания снова воцарялась дружная тишина.

– Алло! – надсадно кричал он. – Не кладите трубку, умоляю!

А если оператор начинал орать по-настоящему, все понимали: на другом конце провода наконец-то была столица. Каждый последующий этап сокращал дистанцию как минимум на сто километров – казалось, именно из-за этого ему приходилось кричать, чтобы его услышали.

Если же связь опять прерывалась, оператор устало клал трубку и тяжело вздыхал, и ему вторил хор терпеливых посетителей, уже успевших его полюбить.

⁵ Исп. «Телекоммуникации – достижение Революции!» (прим. пер.).

⁶ Исп. «Любовь моя» (прим. ред.).

⁷ Исп. «Милая, "любимка"» (прим. ред.).

⁸ Исп. «Милашка» (прим. ред.).

⁹ Обскурантизм (от лат. *obscurans* – «затемняющий»), мракобесие – враждебное отношение к просвещению, науке и прогрессу.

Глава 2

Анхель – ответственный за аграрную реформу, бывший участник Освободительной войны и ярый революционер – с минуты на минуту ожидал Эктора Роткеля, о визите которого его оповестило начальство, строго наказав полностью посвятить себя гостю. Анхель принял его в своем кабинете тепло и радушно, без капли стеснения. Они были примерно одного возраста – около тридцати – и сразу же понравились друг другу.

Роткелю было поручено изучить природные ресурсы и энергетическую ситуацию на острове. Министерство попросило его в особенности сконцентрироваться на вырубке леса – она все больше беспокоила власти, – а также сушке табака при помощи костров, которая и была одной из основных причин этой проблемы. Анхель предложил Роткелю свою помощь и вызвался сопровождать его в первых поездках на место событий. Он заверил гостя, что тот получит удовольствие от пребывания на острове: местные жители отличались дружелюбием, а общая обстановка была вполне спокойной и ничем не напоминала об ужасе, царившем на севере страны, где свирепствовали банды контрреволюционеров и продолжалась кровавая резня. Роткель знал об этом не понаслышке: он долго работал в тех краях и приехал на остров как раз оттуда, привезя с собой ранение, полученное в стычке с контрабандой, в которой чудом выжил. На Ометепе война представлялась чем-то очень далеким. Разумеется, она не могла не сказаться на повседневной жизни: иногда возникали перебои с бензином или кукурузой, провиант, как и во всей стране, выдавался по талонам, местный автобус сломался, а цены постоянно росли. Однако в целом жизнь здесь все еще была спокойной.

Во время долгих прогулок по полям и склонам вулканов Анхель пытался помочь гостю лучше понять остров. Он рассказывал ему о крестьянах и о том, как они меняли окружающий пейзаж; о Революции, которая смела заграждения, пытаясь хоть немного восстановить справедливость; о том, как происходила дележка полей. Анхель знал историю каждой дороги, каждого земельного участка. В лесу или на маленьких наделах они беседовали с крестьянами, ненадолго откладывая свои мачете и деревянные плуги, и их женами, которые встречались им в полях, на тропинках или прямо в домах за готовкой кукурузных лепешек.

Роткель очень любил эти разговоры, в особенности благодаря чувству юмора собеседников. Когда он смотрел на улыбки, расцветавшие на их лицах во время пауз, на душе становилось легко. В такой компании слова и минуты текли легко, в такт ветру, не торопясь и не запаздывая, как будто были гармоничной частью окружающей природы. Крестьяне приглашали проверяющих в свои дома – простые соломенные хижины с крышами из пальмовых ветвей, которые длинной бахромой свешивались с низких фасадов. Стены были сложены из стеблей сахарного тростника или веток, обрубленных мачете и связанных вместе. Внутри было тесно, пол представлял собой просто утопанную землю, а из мебели чаще всего наличествовали только плетеный гамак и широкая кровать, сбитая из досок, на которой спали все члены семьи. Скромные глиняные очаги без дымоходных труб были полны золы. На полке рядом с распятием всегда стояли керосиновая лампа, свечка, электрический фонарик, пакет соли и бутылка масла. Снаружи, среди банановых деревьев, гибискусов и террасных садов, в полотняном гамаке, подвешенном в тени между двух пальм, спал младенец.

Казалось, эти люди и их дома почти не изменились за последние несколько столетий. Роткель задумался о происхождении местных жителей и лишь спустя время дошел до гипотезы о том, что они принадлежат к древней народности никарао, которая, в свою очередь, судя по языку, была родственной племени науа.

Анхель подтвердил, что большая часть местных происходит прямоком от аборигенов, живших на этих землях пять столетий тому назад, до испанской колонизации. Он рассказал Роткелю о появлении испанцев в этой части Центральной Америки: они проделали невероят-

ный путь, пройдя на своих каравеллах вверх по течению реки Сан-Хуан от Карибского моря. Чтобы преодолеть пороги, испанцы были вынуждены разобрать корабли, протаскать их по частям через джунгли, а потом собрать заново. По мере продвижения по реке их изумление возрастало: чем ближе они подходили к ее верховью, тем шире становилось русло. Наконец, они достигли истока: это было широкое, спокойное озеро, занимавшее весь горизонт, – озеро Кочиболка. Посредине возвышались два вулкана острова Ометепе.

Анхель и Роткель беседовали в патио одного крестьянского дома, когда их разговор прервал юноша, вернувшийся с полей с находкой – головой Оперенного Змея, высеченной из базальта, размером с кулак. Он передал статуэтку своему деду. Тот продемонстрировал ее гостям и, видя их восхищение, попросил внука пойти и взять кое-что в углу хижины. Тот принес джутовый мешок, из которого старик извлек две керамические тарелки с разноцветной росписью и черепаху из базальта.

– Мы каждый день находим такие на моем банановом поле. Их сделали наши предки.

Роткель кивнул и с улыбкой посмотрел на находки. Казалось, старика особенно привлекала маленькая абсолютно симметричная черепашка. Что в ней такого особенного? Из-за чего его глаза так блестят? Можно было только догадываться, о чем он думал. Старик не произносил ни слова, и в установившейся тишине Роткель предался своим мыслям, воспоминаниям о прочитанных книгах и о глубинах истории. Он думал об отце отца этого старца и о том, что тот мог рассказывать внуку, когда они ходили на озеро, чтобы рыбачить с пироги, или в горы – при помощи палки сеять маис после дождей. Как и сейчас, в те дни его выращивали на месте леса, который сначала вырубали, а потом поджигали. Полосу горячей земли у подножия вулканов было видно издалека даже ночью. Мужчины сторожили свои наделы рядом с линией огня, чтобы он не перекинулся на дома. Завеса пламени вздымалась, словно огненный венок, опоясывающий гору. Затем приходили дожди, и наконец наступал ритуал посева. Что касается бобов, то это была совсем другая история: их сеяли гораздо позже. Семена горстями кидали прямо на сырую неводеланную почву, чтобы они росли на поверхности гумуса, а спустя пару месяцев возвращались собирать стручки, вызревшие таким полудиким образом. Маис рождался в золе сожженных лесов, а бобы – во влажной земле. Маис – мужской злак, сын огня и богини Шилонен. Бобы – женское растение, дитя воды. Так было всегда, пока не приплыли испанцы, закованные в металл, потрясавшие крестом, разжигавшие огонь одними кончиками пальцев и повсюду искавшие золото.

В делящейся тишине Роткель вспомнил, как видел на площади, прямо перед церковью, базальтовые статуи в виде сидящих обнаженных аборигенов, над головами которых были высечены головы животных: орла, стервятника или ягуара. Их было не меньше дюжины, высотой от трех до четырех метров. Скульптуры были выстроены в одну линию, и местные жители называли их идолами. Рассказывали, что десять лет назад один вулканолог обнаружил их под слоем пепла недалеко от кратера Консепсьон. Когда скульптуры раскопали, они были расположены полукругом и смотрели на восток. «Может быть, под давно застывшей лавой и корнями лесных деревьев таится множество подобных фигур», – думал Роткель. И чем, а точнее – кем был вулкан Консепсьон для этого благородного синьора с его черепашкой?

Роткель сгорал от нетерпения, желая услышать из его уст известные ему старинные легенды, но тот лишь еле слышно прошептал:

– Кетцалькоатль... Оперенный Змей, – и снова умолк.

Прошло довольно много времени. Все были погружены в свои мысли. Старый индеец вздохнул, а потом посмотрел на Роткеля с той особой улыбкой, которая появлялась на лицах местных крестьян, когда пролетал тихий ангел. Вероятно, в этой улыбке было все, что он мог ему сказать.

Наконец, разговор возобновился. Все ждали дождей – их было слишком мало для этого времени года. Но вскоре, вместе с новой луной, они должны были вернуться.

– Кажется, пойдет дождь, – произнес старик, а затем повернулся к Роткелю и спросил, что тому известно об острове Ометепе.

– Немного из истории и географии, – ответил Эк-тор. – Я хочу подняться на вершину вулкана Консепсьон.

Старик покачал головой в знак одобрения.

– Немногие, – заметил он, – отваживались на такое восхождение. А как же Чарко-Верде? Как, вы там еще не бывали? Вы должны его увидеть! Это прекрасная лагуна у подножия Консепсьон. Когда пойдете туда, обратите внимание на цвет воды. После полудня она зеленая, утром – прозрачная, как хрусталь, с золотыми бликами, а ночью в ней порой горят таинственные огни – огненные шары. Это Заклятье. Вам обязательно надо это увидеть! Вы же ему покажете, правда? – спросил он, обращаясь к Анхелю. А затем, вновь повернувшись к Роткелю, добавил, наморщив лоб: – Главное, ни в коем случае не купайтесь там!

– Почему же?

– Будьте начеку: тот, кто искупался в лагуне, никогда не возвращается назад! Это все чары!

Роткель слушал его с недоверием. Анхель и мальчишка расхохотались, но старик сохранял серьезность.

– Вы мне не верите, но это так, – продолжил он. – Лягушки, жабы, быки и черепахи, которых вы увидите на берегах Чарко-Верде, были такими же людьми, как мы с вами. Их погубили колдовские чары!

По дороге назад, когда они остались наедине, Роткель попросил Анхеля поподробнее рассказать ему об этой истории с заклатьем. Оказалось, что *charco* переводится с испанского как «болото», «лужа», и этим словом обозначают болотистую местность. Местные жители добавили приставку *verde*, так как вода в озере казалась словно подкрашенной зеленой гуашью. Как выяснили изучавшие его биологи, этот цвет вызван размножением микроскопических водорослей. Так или иначе, когда человек опускал в озеро руку, она полностью исчезала, а когда доставал ее обратно, оказывалась просто мокрой, как будто побывала в чистой воде.

По легенде, в Чарко-Верде жил дьявол, скупавший души людей, и многие шли на эту сделку. Рассказывали, что, подписав договор, они получали любовь, богатство и славу, но также в нем был указан день и час их смерти. И ровно в назначенную минуту они превращались в зверей, а дьявол забирал их души.

Чико Ларго – так звали демона – жил на самом дне во дворце из чистого золота с тремя своими приспешниками: их звали Лагарто де Оро¹⁰, Мама Буча (она действительно была его матерью) и Кристо Кото (то есть безрукий) – из его култей свисали золотые кулоны...

Все знали и боялись Чико Ларго. К озеру стекались со всех краев, чтобы приблизиться к демону и увидеть, где он обитает, – в точности как паломники. На берегу пруда жил колдун, которого им надо было отыскать. Именно он вступал в контакт с Чико и вел переговоры. В самом конце для завершения сделки человек должен был воткнуть себе в вену перо хищной птицы и подписать договор собственной кровью.

Такой была легенда о Чарко-Верде, пленительной спящей лагуне с неподвижной водой у подножия великого вулкана Консепсьон. Иногда в часы сиесты золотая ящерица выползала из воды, чтобы погреться на солнце, и те, кто отваживался подойти поближе, могли рассмотреть ее, лежащей на песке во всем своем золотом блеске.

Анхель сказал, что этот пруд буквально в двух шагах, и предложил Роткелю прогуляться к нему, не откладывая на потом. Они шагали медленно, в полном молчании. Анхель будто испытывал какое-то благоговение перед этим местом. Выйдя из небольшой рощи, они обнаружили лагуну прямо перед собой, ниже уровня дороги. Террасные поля спускались к пруду,

¹⁰ Исп. «Золотая ящерица» (прим. пер.).

словно ступени созданного природой амфитеатра. От озера его отделял только черный пляж, а вокруг росли мангровые деревья. Контраст между изумрудной водой Чарко-Верде и голубизной озера Кочиболка поражал. Фоном служил холм, покрытый частой сеткой лиан, среди которых тут и там виднелись цветущие деревья. На пляже росли три высокие кокосовые пальмы, упавшиеся в небо. Воздух был напоен тишиной.

На лугу, спускавшемся к пруду, паслось стадо быков. Белые цапли, неподвижно стоявшие среди камышей под свисающими ветвями деревьев, ярким пятном разбавляли темные краски густых зарослей. Вдалеке, на западе, за пляжем, тянувшимся от пруда до озера, можно было разглядеть перешеек Ривас – полоску земли вдоль горизонта. В безоблачном небе прямо над Чарко кружили хищные птицы.

Внезапно Роткель вздрогнул от страха: из леса, растущего на холме, послышался вой.

– Это дикие звери? – прошептал он Анхелю.

Тот, явно позабавленный вопросом, успокоил друга:

– Это просто обезьяны, старик! Не волнуйся. Мы зовем их ревунами. Тут их целое семейство.

Иногда над водой появлялись зимородки, колибри, зеленые попугаи. Стая уток направлялась к маленькому островку.

– Вот там, напротив пляжа, Остров любви, – сказал Анхель и тут же указал на берег.

И действительно: казалось, что-то собиралось выйти из воды... Выходило, тяжело прокладывая себе дорогу сквозь камыши. Да, был тот самый час: из воды показалась знаменитая золотая ящерица! Огромное животное проползло несколько метров по пляжу и замерло на базальтовой плите, нежась на полуденном солнце.

Посмотрев на пруд, мужчины пошли обратно в деревню и по дороге встретили крестьянина. Тот оказался любителем поболтать. Роткель не удержался и спросил, знает ли тот легенду о Чарко-Верде.

– А как же! – ответил юноша смеясь. Ему явно нравилось рассказывать истории. – Вы только послушайте! Мой родной дед, – уверенно начал он, точно зная, к чему ведет, – был большим любителем выпить. Он вечно где-то шатался, а когда был под мухой, то и подавно ищи его свищи! Он уходил черт знает куда, бродил по полям, нахаживал километры – так напивался, что терялся. Если становилось темно, а он еще не вернулся, нам приходилось искать его и потом тащить на себе до самой кровати. Иногда мы находили его в состоянии, когда он еще держался на ногах, и перед тем, как окончательно упасть, он поносил всех без разбору и угрожал Чарко. Говорил, что ничего не боится, поднимал руки и орал: «Чико Ларго, сукин ты сын! Кристо Кото, и ты тоже! И ты, Мама Буча, та еще стерва! Думаете, вы меня напугали?» Честно сказать, мы боялись, когда его слушали. И знаете что? Однажды он напился до чертиков, а потом вернулся домой сам, прямо к ужину. Мы никогда не видели его таким: он был бледен, как смерть, и завязал с выпивкой. Ни разу больше не притронулся! Ни за что не догадаетесь, что с ним приключилось! Дед решил пособирать крабов у Чарко-Верде. И вот он, значит, сидит там у самой воды, на камнях, и видит краба. Дед хватает его, а тот бац! – и падает в воду. Дед сует руку в воду и... чувствует, что его трогает другая рука! Да, там был не краб, а рука – она тянулась прямо со дна Чарко и держала его... Ледяная рука, которая хотела затащить моего деда в пруд. Пресвятая Богородица! Он чуть не надорвался от крика!

Глава 3

Эктор Роткель продолжил исследовать ресурсы и природу острова самостоятельно, приобретая все большую известность. Иностранец, вот уже две недели бродящий по местным полям, не мог остаться незамеченным. Откуда он? Кто его послал? Что он ищет? Почему иногда как будто прихрамывает? Он торговец? Тогда что он продает? Что говорит? Что делает? На кого он, черт побери, работает? Он хочет обосноваться в этих краях? Купить землю? Он в заговоре с правительством? Его отправили прямиком из его далекой страны? Может быть, он ученый? Один из этих... как же их... социологов? Этнологов? Археологов? Что-то-там-ологов? Много таких на короткое время появлялось на острове!

Говорили, что Роткель вел исследования. Что он занимался лесами, источниками энергии... В основном он встречался со стариками, расспрашивал их о сельском хозяйстве, о вулканах, об истории острова и его лесах. Чтобы отыскать подходящего собеседника, он спрашивал в тавернах, нет ли в деревне местного мудреца, которому нравится рассказывать истории.

Вот уже несколько раз Роткелю сообщали о некоем доне Эухенио, продавшем душу дьяволу, но он лишь ухмылялся и слушал эти речи вполуха. Однако из более достоверных источников он узнал, что дон Эухенио был богатым землевладельцем – одним из самых крупных на острове. Он родился в городе Масая без гроша за душой, но потом судьба улыбнулась ему, и он добился большого успеха. Выращивал скот и табак и имел не меньше двадцати кирпичных печей, чтобы высушивать свой урожай.

Начав как самоучка, но постоянно экспериментируя, дон Эухенио стал самым опытным *tabacalero*¹¹ в стране. *Tobacco Company* – североамериканская компания, занимавшаяся экспортом табака из Никарагуа для «ковбойских сигарет», – открыла представительство на Ометепе. Это было, без всякого сомнения, самое эффективное производство на острове: его панельные здания были оснащены электрогенераторами и кондиционерами, а рядом с ними располагались цеха из листового железа, где осуществлялся отбор табачных листьев и контроль их качества. Компания призывала других земледельцев следовать примеру дона Эухенио, предоставляла им посадочный материал, кредиты, техническую поддержку и обязалась выкупать их урожай. Дела шли так хорошо, что на остров прислали постоянную команду техников и даже построили аэропорт для удобства экспертов, прилетающих в командировку из США. Правда, аэродром представлял собой всего лишь взлетно-посадочную полосу посреди полей, а его единственным техническим оснащением был ветроуказатель в красную и белую полосы, долгое время вызывавший любопытство местных жителей. До того момента самолеты были для них светящимися точками в небе, которые, вроде как, перевозили людей. Наконец, однажды один из самолетов приземлился на острове. Из него вышел целый отряд янки, которых торжественно встречали дон Эухенио и полный состав ассоциации производителей табака Ометепе в их лучших костюмах. Для тех времен это было большое событие. Впоследствии дон Эухенио не раз приглашали в Соединенные Штаты, где он посещал табачные фабрики. Разумеется, он летал на самолете. Короче говоря, по всеобщему мнению, дон Эухенио был достойным гражданином, первопроходцем и человеком прогресса. У него была прекрасная *hacienda*¹² – латифундия первого класса: больше тысячи гектаров пастбищ, дорожки в идеальном состоянии, ограждения из базальта, за которыми выращивался здоровый, тучный скот лучших пород. *La Soledad*¹³ – так назывался господский дом – стоял недалеко от Чарко-Верде.

¹¹ Исп. «Плантатор-табаковод» (прим. ред.).

¹² Исп. «Поместье» (прим. пер.).

¹³ Исп. «Уединение, глушь» (прим. пер.).

Когда Роткель начал расспрашивать местных, мог ли дон Эухенио быть полезен ему в его исследованиях по вырубке лесов, те не только отвечали положительно – все как один, но и добавляли, что он очень много знал и был большим любителем поговорить. Исходя из их рассказов, Роткель представил себе такого джентльмена на тропический лад. Он стал внимательнее слушать, как о нем отзывались, и заметил, что стоило ему произнести имя дона Эухенио, как его собеседники тут же отскакивали назад и восклицали:

– Ах! *El diablo*¹⁴!

– *El diablo*? – переспрашивал Роткель в недоумении.

– Да, так мы его называем. Длинная история... Это все из-за Чарко-Верде.

Или же люди говорили:

– Ах, тот самый дон Эухенио! Вместе с этим дьявольским отродьем Чико Ларго! – И порой добавляли: – Он тот еще плут... – и другие нелестные комментарии.

Однако, хоть Роткель и понял, что этот деревенский джентльмен был далеко не ангелом, он не придавал большого значения пересудам. Остров был замкнутым мирком, где все друг друга знали и у каждого было предостаточно врагов, так что Роткель решил не слишком вникать в местные дразги, тем более что от этого могла пострадать его работа. К тому же – то ли для компенсации, то ли искренне, а может быть, из страха или, наоборот, чувства справедливости – многие частенько добавляли что-нибудь восхваляющее дона Эухенио. Все его уважали, восхищались его трудолюбием и умением вести дела. Он был хорошо образован, всегда готов помочь; будучи богатым, старался сделать так, чтобы и люди вокруг жили в достатке. У него было двадцать детей от трех браков – в общем, он явно был мужчиной хоть куда. Со всеми женами он оставался в хороших отношениях и полностью их обеспечивал. Короче говоря, он явно был настоящим *caballero*¹⁵ и неслучайно добился успеха. Пусть про него рассказывают дьявольские истории, это просто сказки...

Роткель слышал примерно одно и то же и от других людей самого разного происхождения: чиновников, торговцев, земледельцев, лесорубов, крестьян, врачей местной больницы, ответственных за аграрную реформу... Уполномоченный представитель правительства, следивший за ходом Революции на острове, тоже почтительно отзывался о доне Эухенио: хоть тот и был противником режима, но вполне уважаемым.

Высказав свое мнение, все тут же переходили к рассказам о Чарко-Верде. Чей-то близкий родственник был околдован и превращен то ли в обезьяну, то ли в черепаху, то ли в индюка. Кто-то подозревал знакомого в продаже души, ведь иначе тот никак не смог бы настолько внезапно разбогатеть. Некто однажды ночью, в полнолуние, наткнулся на дону Эухенио, проезжавшего по деревне на лошади в доспехах Дон Кихота. У кого-то был сосед, про которого поговаривали, что он продал душу Чико Ларго, и во время ночного бдения над телом тот своими глазами видел, как, едва наступила полночь, на пороге показались трое всадников на разгоряченных вороных жеребцах. Залаляли собаки, запели петухи, затопали в загоне свиньи. Четыре свечи, освещавшие покойного, вдруг погасли от сквозняка, и все услышали, как нежданные посетители спешиваются, издавая адские звуки. Когда кто-то наконец осмелился вновь зажечь свечу, оказалось, что тело исчезло. В назначенный час Чико Ларго похитил его!

На лугах, спускавшихся к берегам Чарко-Верде, паслось стадо дона Эухенио. Некоторые в деревне утверждали, что то были люди, подписавшие договор, – те, кто продал свои души. Чико Ларго, говорили они, подарил это стадо дону Эухенио в благодарность за службу. К тому же у них были доказательства. Когда одного из этих быков вели на убой, он мычал и стонал, словно человек, пребывающий в отчаянии. Дошло до того, что все вокруг перепугались: казалось, будто живому человеку собираются перерезать горло. Нужны еще доказательства? Однажды в

¹⁴ Исп. «Дьявол» (прим. пер.).

¹⁵ Исп. «Джентльмен» (прим. пер.).

челюсти одной коровы нашли золотой зуб! Как он мог там оказаться? Конечно, потому что это несчастное животное когда-то было человеком, как мы с вами!

Хозяйка пансиона, где остановился Роткель, заявила, что базальтовые камни со дна Чарко-Верде могли оказывать услуги купающимся в нем женщинам. По крайней мере, так случилось с одной ее родственницей.

– Она была старой и бедной. Однажды на рассвете она пошла купаться в Чарко и вдруг почувствовала под ногами что-то мягкое. Это были головы свежего сыра! Ими было выстлано все дно! И вот она забивает сыром все сумки и вдруг слышит голос: «Держи язык за зубами! Никому не говори, что ты здесь нашла!» Целую неделю она продавала этот сыр на рынке и всем говорила, что сделала его сама. Но дело в том, что у нее не было ни одной коровы, и никто не знал, откуда же она брала молоко. Ее соседка начала подозревать, что дело нечисто, и однажды утром тайком проследила за ней до самого пруда. Там соседка спряталась за дерево и увидела, как моя родственница разделась, окунулась в воду, расчесала волосы, собрала сыр и набила им сумки. Соседка, торжествуя, побежала рассказывать всем об увиденном. История наделала столько шуму, что Совет пожилых граждан и сандинистский Комитет по защите вызвали мою родственницу и спросили напрямую, брала ли она свой товар у дьявола. Они прижали ее к стенке, и в конце концов она расплакалась и во всем созналась. Она была в ужасе, вспоминая угрозы Чарко! К счастью, женщина так искренне раскаивалась, что в итоге все разжалобились и простили ее. Все это была чистейшая правда, – настаивала хозяйка Роткеля. – Спроси кого угодно, всякий подтвердит! А еще говорили, что существует книга, в которой все это записано – все истории про Чарко и колдовство.

У этой порядочной доброй женщины был сын восьми лет, который очень привязался к Роткелю. По вечерам они частенько садились поболтать. У мальчика был особый взгляд на вещи... Больше всего его интересовала золотая ящерица. Однажды в пасхальное воскресенье родители взяли его на прогулку к Чарко-Верде, и он собственными глазами видел ящерицу, развалившуюся на солнце.

– И почему же, по-твоему, эта ящерица золотая? Никак не могу понять, – спросил его Роткель.

– Потому что она питается камнями со дна пруда. Почему же еще? – ответил мальчик. Он был уверен, что они были из чистого золота и размером с дыню.

Занимаясь своим исследованием, Роткель изучил весь остров вдоль и поперек – от одного конца до другого – и смог убедиться, что легенду о Чарко-Верде знали не только в соседней деревне и не только во всей округе: в нее верил весь остров.

Средств передвижения на Ометепе было очень мало: весь автопарк состоял из нескольких машин, пары грузовиков и одного вечно требующего ремонта автобуса, – и потому Роткелю чаще всего приходилось пользоваться традиционным транспортом островитян. У богатых крестьян были тяжелые повозки с колесами из цельной древесины, обитыми железом, которые ничем не отличались от тех, что привезли с собой испанцы четырем столетиями ранее. Мужчины ездили на лошадях или мулах. К тому же они научились объезжать быков, которыми управляли с помощью веревки, продетой через кольцо в носу. Специалисты, проводившие аграрную реформу, передвигались на маленьком мотоцикле. Проезжая по сельским дорогам, он оставлял за собой облако пыли, на которое еще долго мечтательно смотрели дети.

Старая рана в ноге иногда напоминала о себе болью, но все же Роткель чувствовал себя достаточно здоровым, чтобы иногда одалживать мотоцикл, особенно если ему предстояло преодолеть большое расстояние по бездорожью. В ходе этих поездок он окончательно убедился, что легенда о Чарко-Верде проникла в самые отдаленные и труднодоступные уголки острова, подчинив всех без исключения жителей своей власти.

Однажды ему перегородил дорогу застывший лавовый поток. Проехать здесь на мотоцикле было невозможно, и Роткель уже собирался повернуть назад, когда увидел троих мужчин, возвращавшихся после работы в поле. Они охотно вызвались помочь: взвалив мотоцикл на плечи, перетаскивали его с одного валуна на другой, иногда просто неся на руках, и через два бесконечных часа, покрытые потом и синяками, наконец преодолели препятствие. Когда они вошли в ворота кооператива, был уже поздний вечер. Перед ними бежала ватага веселых ребятишек, которые никогда в жизни не видели такой диковинной штуки. Председатель кооператива принял Роткеля тепло, но не смог скрыть своего изумления: он жил в этой деревне пятьдесят лет и никогда бы не поверил, что даже мул – да, простой мул! – смог бы перейти через эту лавовую преграду. Он спросил у бравого мотоциклиста, как же ему удалось совершить такой подвиг. Роткель, подмигнув троим своим помощникам, весело ответил, что это было непросто, и добавил – просто в шутку, – что, видимо, им помог Чико Ларго. Но вместо того, чтобы рассмеяться, председатель тут же впал в возбужденное состояние, граничившее с паникой. Он тут же ушел, увея с собой всех жителей деревни, не сказав ни слова и оставив Роткеля наедине с мыслями на всю ночь.

На следующее утро тот обнаружил, что в деревне не осталось ни души. Итак, после трех недель на Ометепе Роткель не мог не признать очевидный факт: все обитатели острова – несколько десятков тысяч человек – поголовно знали легенду о Чарко-Верде. То, какую власть она имела над людьми, и то, как глубоко проникали ее корни, было выше его понимания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.